

РЫБАКИ И КОНТРОЛИРУЮЩИЕ ИНСТАНЦИИ НА ОБИ: ПРАВОПРИМЕНЕНИЕ В ТЕНИ ЛОКАЛЬНЫХ ПРАВИЛ ИГРЫ

Ключевые слова: неформальное природопользование, рыбные ресурсы, эталонное правонарушение, практики конспирации, оставленность государством, стратегии сотрудничества, удаленность, временные союзы, стигматизация нарушителя

В статье представлен анализ способов осуществления неформального частного рыболовного промысла в контексте практик контроля со стороны представителей исполнительной власти. В свете выявленных стратегий конструирования инспектором “эталонного правонарушения”, посредством которого происходит стигматизация потенциальных нарушителей, а также на основании наблюдаемых техник конспирации и игры, связанной со взаимной мифологизацией, можно говорить о формировании поля взаимодействий, организованного вне логики и сопротивления государству. Сообщество как значимая инстанция меняет расстановку сил и встраивает в систему обмена и взаимных обязательств партнерство с субъектами, осуществляющими контроль от лица государства. Микроантропологический анализ ситуационно выстроенных действий, риторических практик и нарративов позволяет выявить сложную структуру, удерживающуюся на чередовании процессов создания временных союзов и их разрушения. В статье описываются парадоксальные последствия показательной облавы на рыбака-промысловика, организованной инспектором: с одной стороны, авторитет проверяющего возрастает, когда он, проявляя власть, протоколирует нарушение, с другой — своим поступком он отсекает не менее важные ресурсы, поставка которых начальству позволяет ему сохранить должность. Нарушая негласные договоренности с рыбаками, чиновник формирует социальный разрыв в том месте, где действовали союзы и логика кооперации.

Данный текст является результатом полевой работы в течение летнего, осеннего, зимнего сезонов 2017 г. и периода весеннего половодья 2018 г. в п. Сермяжный¹, расположенном в среднем течении р. Оби в прибрежной таежной зоне. Основная цель анализа — представить действия и риторические практики рыбаков и уполномоченных сотрудников контролирующих органов в тесной взаимосвязи друг с другом, показывая, как стирается граница между субъектами, которые, как правило, воспринимаются исключительно в качестве оппонентов. Логика действий рыбака — разрывание его отношений с соперниками, инспектором, напарниками, с рекой и погодными условиями — линейна, однако реконструкция формирующихся вокруг промысла социальных отношений, практик и способов аргументации требует

Лидия Яковлевна Рахманова | <https://orcid.org/0000-0002-7475-3609> | muza-spb@yandex.ru | к. соц. н., старший научный сотрудник Лаборатории по изучению экосистем и климатических изменений | Национальный исследовательский Томский государственный университет (пр. Ленина 36, Томск, 634050, Россия)

Исследование проведено при финансовой поддержке следующих организаций и грантов: Фонд поддержки социальных исследований “Хамовники” [№ 2016-009, 2017–2018] РФФИ, <https://doi.org/10.13039/501100002261> [17-33-01057]

обращения к принципу нелинейной драматургии, основывающейся на реверсивной логике полевого исследования. Поэтому в статье я предпринимаю попытку реконструировать цепь событий, отражающих взаимные обвинения и сотрудничество, словесную игру и стигматизацию, сконцентрированные вокруг процесса добычи рыбных ресурсов, контроля со стороны исполнительной власти и способов апелляции к понятиям непротиворечивости, легальности и законности.

Несмотря на то что эти процессы происходят на микроуровне, где имеют значение как ситуативные реакции, так и долгосрочные союзы, определяющие стратегии околупромысловой деятельности, частные случаи высказываний и поступков отсылают к макроуровню, раскрывающему роль государства через апелляцию государственных служащих к закону и выстраиваемые ими алгоритмы доказательства нарушений, — потому немаловажен исторический и социально-экономический контекст, в котором разворачиваются изучаемые практики и события.

Использование природных ресурсов на различных исторических этапах существования поселка

Разрастание Сермяжного вдоль берега Оби и вглубь лесов в ходе строительства новых улиц и узкоколейки предопределило его необычную планировку. В 1940–1970-х годах поселок был ядром, точкой схождения транспортных “лучей”: речных, воздушных, наземных. В воспоминаниях местных жителей эти годы предстают периодом расцвета (ПМА 2017), когда хорошо отлаженная система снабжения, торговли и досуговых практик была связана не с близостью к региональному центру, а с тем, что населенный пункт являлся эпицентром добычи ресурса и производства продукции.

Если до 1990-х годов территориальное единство и социальная целостность поселка удерживались благодаря деятельности предприятия, то после распада СССР и практически полной остановки лесозаготовительных работ в социальной и пространственной структуре Сермяжного появились разрывы. Эта тенденция стала не просто результатом оттока населения, но и фактического “демонтажа деревни” (Fondahl 1995: 6). Часть огромного населенного пункта отмерла, оставив фундаменты домов, а его концы “сжались”, приблизившись к двум центрам.

Развал предприятия и ослабленность государственного контроля вплоть до 2000-х годов привели к росту частного неформального природопользования. Этот всплеск связан с тем, что ранее официальная занятость обеспечивала стабильные рабочие места и не было нужды обращаться к рыболовному промыслу и охоте как к основным источникам дохода (ср.: Пивнева, Мартынова 2001). Безработица и освободившееся время спровоцировали своего рода “ренессанс” практик, “рожденных крайней необходимостью” (Fondahl 1995: 14).

Ключевые ресурсы, добыча и обработка которых является основным источником заработка для населения Сермяжного, связаны с тремя сферами природопользования: рыболовством, охотой и сбором дикоросов. Однако каждая семья делает ставку на различные (отдельные) типы натуральных ресурсов, имея в запасе дополнительные источники дохода (ср.: Fondahl 1995: 3; Nakhshina, Krause 2014: 341). Наиболее прибыльными, конкурирующими между собой по степени значимости являются такие рыбные ресурсы, как стерлядь, разрешенная к вылову в небольшом объеме по лицензии, сибирский осетр — краснокнижный вид, запрещенный к добыче на территории РФ, и муксун, запрет на вылов которого действует в регионе с 2017 г.² Редкими и легко монетизируемыми ресурсами являются лосятина и шкурки соболя. Медвежатина и медвежьи шкуры с начала 2010-х годов теряют свою рыночную стоимость и сегодня отходят на второй план в данном регионе. К дополнительным (“подстраховочным”) видам природных ресурсов можно отнести белую рыбу (щуку,

налима, язя, леща, окуня, карася) и дикоросы (кедровую шишку, чернику, бруснику, голубику, иван-чай). Третий уровень в системе жизнеобеспечения связан с охотой на боровую и водоплавающую птицу, дикого гуся, бобра и барсука, как правило, не на продажу, а для своей семьи.

Сермяжный встроен в инфраструктурную систему района и региона достаточно специфичным образом. В периоды становления льда, половодья, шуги грунтовая дорога в поселок оказывается не только отрезана от райцентра при отсутствии паррома, но и частично перемыта речками и залита пойменными озерами. Таким образом, для жителей Сермяжного, в отличие от жителей деревень на другом берегу, имеющих круглогодичный доступ к трассе, существует проблема вывоза и сбыта редких видов рыбы и мяса. При этом затруднена продажа дешевых и более распространенных разновидностей свежей белой рыбы, “лесного мяса” и шкур, поскольку система лицензирования ограничивает постобработку сырья. Предприниматели-скупщики не могут принять весь объем добываемых ресурсов — сеть сбыта недостаточно плотная, схемы отработаны лишь частично. Таким образом, санкции за лов стерляди, муксуна, осетра, с одной стороны, и невыгодность переключения на разрешенные породы рыб — с другой, вынуждают местных жителей либо вывозить большие партии товара и увеличивать интенсивность продаж, либо обходить контроль для сбыта редкой и дорогостоящей продукции.

Представляется, что при помощи антропологической перспективы можно показать, как проявляется на микроуровне влияние макропроцессов, связанных с трансформацией институциональной и экономической системы и пересмотром законодательства в постсоветский период. Это особенно актуально для сферы частного природопользования в рамках домохозяйств, артелей и бригад и требует особого исследовательского подхода (*Nakhshina, Krause 2014: 338*).

Гипотеза исследования, сформированная до полевого этапа, предполагала существование видимого разрыва между проверяющим и проверяемыми на месте столкновения двух логик: логики промысла и выживания и логики контроля и соответствия закону. Исходя из этого, я предлагаю сузить фокус внимания, чтобы показать через стратегии, выбираемые инспектором рыбнадзора и рыбаками, систему скрытых взаимоотношений между ними и то, как они обыгрываются в различных нарративах.

Временные социальные союзы и скрытые связи

Переходя к описанию конкретных ситуаций в изучаемом сообществе, важно отметить, каким образом сочетание полевых и аналитических инструментов дало возможность перейти от исследовательских интерпретаций к совместному с информантами обоснованию и прояснению действий, высказываний и происходящих событий, удостоверяя их наблюдениями и перекрестными высказываниями оппонентов и партнеров.

В условиях ограниченного времени я делала ставку на участие в практиках, характерных как для женщин, так и для мужчин. Но получить доступ к наблюдению за проверкой самоловов было непросто. Несмотря на определенные этапы “посвящения” в рыбацкое дело через рассказы, обучение лову и техникам обработки рыбы, я считалась неподготовленным городским человеком, которому повсеместно угрожала опасность. Наивность внешнего наблюдателя и неопределенность социального статуса дали мне два преимущества. Во-первых, поскольку я была “не родственница”, “не местная” и “свидетель, который все равно не понимает, что именно он видит”, то меня можно было пропустить туда, куда местным жительницам был закрыт вход. Во-вторых, поскольку нарушение законов, регулирующих промысел, ставит под угрозу всех участников рыболовных практик, но в особенности новичка,

разделяющего риски, но не осознающего весь спектр опасностей, окружающих его (ср: Воробьев 2011), надо было либо запретить мне участие в таких практиках, либо максимально ясно описать риски данного “предприятия”; огромной удачей исследования можно считать выбор нескольких информантов в пользу “инструктажа” антрополога, что позволило увидеть противоречивые взгляды на сам рыболовный промысел.

Важное уточнение, касающееся стратегии полевого исследования, связано с позиционированием себя в пространстве “между” рыбаками и контролирующими органами (ГИМС, рыбнадзором, полицией, охотнадзором). Участие в рейде могло вызвать недоверие ко мне со стороны первых, однако произошло обратное: в исследователе рыбаки увидели посредника, который разбирается в законодательстве чуть лучше, чем они, и может транслировать их мнение в вышестоящие инстанции, а позже — опубликовать наблюдения. А потому имеет смысл рассказать ему более полно о своих проблемах, о взглядах на работу инспекции, о постоянно меняющихся правилах игры, чтобы быть услышанными “наверху”.

Хотя мое знакомство с инспектором высмеивалось жителями всевозможными способами, его пытались применить для пользы сообщества: просили позвонить ему, ссылаясь на личную дружбу, и узнать через косвенные вопросы, где он сейчас находится, чтобы выяснить, есть ли риск рейда. Объясняя, как можно использовать информацию о передвижениях инспектора по реке, рыбаки раскрывали целую систему скрытых оповещений, в которую, как оказывается, включены не только местные жители, но и служащие других ведомств и организаций, имеющих свои мотивы:

М.А.: А кто не рыбак, так рыбаком питается (про полицейских, сопровождающих рейд. — *Л.Р.*). Что мы будем “сдавать” (рыбаков. — *Л.Р.*), когда мы не себя же будем наказывать. Сами накажем себя, что нам рыбы не дадут. Они также и копченую просят, и это... приехали, готовое забрали и поехали. Поэтому им нет резона с ним (с инспектором. — *Л.Р.*)... Уже когда кто-то попадет, что некуда деваться, ну конечно, тогда — менты тут. А так менты, если с ним едут, говорят: “Птичка вылетела”.

Ант.: А потом вы уже распространяете по друзьям?

М.А.: Ну, понятно, кому одному. Их же полно рыбаков. Кому-то одному позвонили... он — другому рыбаку, этот рыбак, там, своим (ПМА 2017, М.А.).

Таким образом, мы видим, что временные социальные союзы, основанные на ситуативной взаимопомощи, формируются поверх границ, разделяющих местных жителей и представителей контролирующих органов. В некоторых случаях выгодным оказывается союз с нарушителем, когда стоимость рыбы, получаемой в качестве благодарности за информацию, превышает символическую значимость служебных достижений за его поимку.

Словесные игры вокруг опасного прецедента: конструирование “эталонного правонарушения”

Месяц наблюдений и участия в промысле приблизил меня к пониманию границы между действительно опасным и запрещенным, но не опасным, т.е. не подлежащим протоколированию. В разговорах выстраивалась провокационная позиция рыбаков, которые открыто рассказывали о крупных уловах стерляди, поясняя, что слова могут служить лишь наводкой, но, даже зная о нарушениях, представители контролирующих органов не достигают главной цели: поймав нарушителя и установить связь между личностью рыбака и пойманной рыбой. Поэтому с позиции местных жителей-промысловиков перед ними стоит задача максимально скрывать свою деятельность, выбирая техники лова, не оставляющие видимых следов и свидетельств, при этом бравируя рассказами о запретном промысле. В данном случае

подобное хвастовство выступает инструментом регулирования отношений инспектора и рыбаков: происходит оценка его способности “быть инспектором” и осуществлять “правильную фиксацию” правонарушений. Этот цикл содержит два тактических хода: рейды и штрафы как утверждение статуса проверяющего через отсылку к государству, с одной стороны, и браваду рыбаков как знак слабости оппонента и как провокацию, указывающую на то, что правила игры складываются вне поля действия закона, — с другой.

И если развитая система конспирации участников рыболовного промысла понятна, то о какой безопасности и выгоде идет речь, когда инспектор, работающий для того, чтобы проверять, а не подвергаться проверке, совершает столько маневров, заключает столько неофициальных союзов, выбирает определенную риторику для защиты собственной позиции? Чтобы ответить на данный вопрос, я попытаюсь реконструировать логику действий инспектора, осуществляемых в рамках служебных полномочий.

Чтобы можно было реализовывать санкции за нарушение, оно должно состояться в действительности и желательно пересекать границы нескольких законов. В этом случае аргументация будет более устойчивой, а доказательства можно собрать хотя бы по одному из признаков. Кроме того, факт нарушения должен быть зафиксирован на фото или видео, а при изъятии добытой рыбы запрещенных видов должны присутствовать свидетели и понятые. В одиночку инспектору сложно собрать пакет документов, чтобы сформировать дело об уголовном правонарушении: “...познаете, вот с кем... у меня свидетели были... Вот ночью... там видеокамеру не включишь, фотоаппарат тоже. Ну, я за свои деньги не могу такой крутой купить...” (ПМА 2017, А.В.).

Комплексные приемы, применяемые для поимки рыбака и составления протокола в ходе рейда, призваны не просто зафиксировать прецедент. Одна из главных целей — продемонстрировать местному сообществу способность инспектора к реальной поимке нарушителей. Инспектор не воспринимается всерьез местными жителями, если он составляет протоколы только на базовые нарушения: въезд в водоохранную зону, запрещенные орудия лова, просроченные документы, отсутствие путевки. Между тем существенных различий в премировании за фиксацию инцидентов разного рода не существует (ПМА 2017), поэтому крупный успех в рейде имеет не финансовое, а лишь символическое значение. Однако серьезное правонарушение, будучи запроотоколированным по всем правилам, дает возможность тиражировать его в форме “копии оригинала”.

Делая ставку на крупные дела, инспектор создает в своей профессиональной практике “эталонное правонарушение”, на отсылку к которому он сможет опираться при недостатке эмпирических доказательств³. Примечательно, что в данном случае “эффект реального уголовного дела” может быть использован для укрепления имиджа инспектора как в профессиональном сообществе (“было у меня тут за последнее время пара крупных уголовных дел со стерлядью”), так и для поддержания уважения в среде местных рыбаков. Важно отметить, что необходимость “правильной фиксации” правонарушения заставляет скорее контролирующие инстанции, нежели местное население, подчинять государственному “формату” свои действия. Таким образом, эта стратегия инспектора выходит за рамки сферы законодательства и судебной практики и начинает действовать уже совсем иначе в сфере социального взаимодействия.

Можно наблюдать, как, ссылаясь на “эталонное правонарушение”, инспектор применяет два типа апелляции: к личности конкретного рыбака и ко всему сообществу. Первый отсылает к прошлым ошибкам конкретного человека и призван отстоять моральное право и законное основание инспектора штрафовать его в будущем. Моральное право в глазах других членов сообщества (возможно, конкурентов

успешного коллеги) обосновывается такими высказываниями: “...этот рыбак постоянно попадаете мне! Он уже попадался один раз, вот с таким уловом!” Некоторые высказывания апеллируют не только к нарушению законов государства, но и к преступлению в отношении местного сообщества, поскольку подрывают рыбопромысловые запасы в реке: “...да он таких мальков ловит, что стыдно сказать! Просто не промыслового размера!” Конечная точка развития подобной логики концентрируется вокруг высказываний вроде “разве можно от таких ожидать что-то, кроме нарушений?” (ПМА 2017, 2018).

Второй тип апелляции отсылает к характеру самого сообщества, преобладающая часть которого занята полулегальной рыбной ловлей и охотой. Сермяжный — как наиболее “браконьерский” поселок — противопоставляются в дискурсе инспектора другим населенным пунктам, где таких серьезных правонарушений зафиксировано не было: “...да от сермяжеских что еще ожидать? У них браконьерство в крови”. Этот тип апелляции со стороны проверяющего тяготеет к суждениям более легализованных рыбаков из других деревень, которые меньше зарабатывают или зарабатывают на другом ресурсе и, хотя считают себя оппонентами инспектора, в суждениях о конкурирующей деревне порой встают на сторону контролирующих органов: «...если есть, куда деть шуку и леща, да Бог с ним — с вашей стерлядь и кострюком⁴. Они не нужны. Я их не трону. <...> Я говорю: “А чё ты заикнулся на этой стерляди?” <...> Сермяжный всю жизнь браконьерил, на самоловах сидел. Ты его хрен заставишь работать так, как мы» (ПМА 2017, Н.Г.). Однако в подобной риторике, артикулируемой инспектором или конкурирующими сторонами — рыбаками и бригадами, — ощущается разрыв между “известными всем на реке” фактами и реально зафиксированными нарушениями.

Стигматизация рыбаков через нарушения и мастерство конспирации

После описания риторики инспектора мне хотелось бы сместить фокус внимания на действия рыбаков, которые могут быть спровоцированы уловками и приемами, применяемыми контролируемыми инстанциями по отношению к промысловикам. Не дать инспектору или полиции себя поймать — это сложная задача, и провал может поджидать на любом из этапов этой игры. Первый признак нарушения — потоки продажи крупных объемов рыбы, которые кто-то должен был выловить, но это не может являться прямой наводкой на первоисточник. Второй признак, тоже косвенный, — благополучие семьи рыбака: постепенно увеличивающаяся в объемах и количестве недвижимость, автомобили, снегоходы или же резкий взлет благосостояния, привлекающий внимание к источнику прибыли, к добытому ресурсу.

Из наблюдения за натуральным обменом и продажами конкуренты и “стукачи” выстраивают следующую логическую цепочку: раз рыба в системе обмена, значит, в этом домохозяйстве ее добывают в больших объемах, нежели “на прокорм семьи”. Для защиты от слухов и зависти, которая может спровоцировать поджог жилища или машины, удачливым рыбакам приходится раздаривать большую часть улова, чтобы отстоять моральное право на лов стерляди не на продажу, а для “своих”:

М.А.: Вот стерлядь ловят, стерлядь — дорого. Вот Н... он не то, что мы — дверь не закрывается, народ толпами, и из города едут, ...мы просто всех угощаем. Там нет. Там — не такое. Вот они... вся рыба в одну кучу, и все это продается.

В.К.: Таких дураков, как мы, — нету <...>

М.А.: Я там тетку угошу, детей своих угошу, маму угошу, килограммы-то я раздала, и мне приходится считать, сколько я этих килограммов раздала и Г. за это деньги отдавать (ПМА 2017, М.А., В.К.).

Можно интерпретировать данное высказывание как отсылку к практике “вынужденной щедрости”, которая наряду с другими приемами позволяет «выровнять неизбежные “провалы” в ресурсах семьи, которые в противном случае могли бы отбросить их за границу минимального уровня жизнеобеспечения» (Scott 1976: 3).

Если вернуться в сферу правоприменения, то вышеописанная апелляция к прошлым инцидентам и характеру действий рыбаков обретает черты, граничащие с абсурдностью. Зафиксированное правонарушение, будучи аргументом в сферах, не относящихся к юридической практике, перестает быть “копией оригинала”, как было описано в предыдущем разделе. Применяемый в качестве риторического приема для укрепления имиджа инспектора и подтверждения склонности рыбака к нарушениям (тем самым стигматизируя последнего) “эталон” превращается в “копию без оригинала” — в то, что Ж. Бодрийяр обозначает как симулякр второго порядка, подменяющий реальное “знаками реального” (Бодрийяр 2017: 11), — поскольку действует не в законодательном, а в социальном поле “низовых практик” и повседневных взаимоотношений. В этом противостоянии мнений, поступков, полномочий и фактов возникает необходимость постоянно создавать симулякры, когда всем известный “сценарий” нарушения предьявляется как эталонный. В процессе использования инспектором в качестве референтной структуры симулякра нарушения происходит его постепенная инфляция, пока, наконец, не истекает “срок годности” эталона и не появляется необходимость создания нового. Эта замысловатая тактика предполагает давление на рыбака косвенными методами с целью сделать из симулякра нарушения подтвержденный прецедент (Там же: 14). Пример тому можно было наблюдать в ходе включенного наблюдения.

Инспектор во время рейда видит издали рыбака, проверяющего самолосы, и направляет лодку к нему. Рыбак, заметив приближающегося инспектора, срывается с места, чтобы его было сложно идентифицировать, и пытается “удрать”, игнорируя требование остановиться для проверки документов. Начинается погоня с сиреной и проблесковым маячком, завершающаяся поимкой беглеца. Есть факт административного правонарушения — неисполнение требований инспектора, но нет зафиксированного лова стерляди. В дело вступает риторика о прошлых или типичных случаях: “Я же знаю, и ты знаешь, что ты тут всегда ловишь”; “Я же видел, что ты сорвался вот с той точки, так что я все равно подниму твой самолет. Лучше подними один самолет сам, чем я проверю дно и выдеру оттуда все твои снасти!” (ПМА 2017). Здесь можно наблюдать попытку сыграть на возможном увеличении списка нарушений в протоколе, чтобы материализовать (с помощью самого рыбака) хотя бы один реальный пункт. Таким образом, уполномоченный представитель закона пытается избежать сведения прецедента к его имитации, поскольку порядок, который он репрезентирует, “может осуществляться лишь в реальном и рациональном, в причинно-следственном” и “властвовать лишь над референциальным” (Бодрийяр 2017: 65–66).

В итоге рыбак, стигматизированный как безусловный нарушитель, который попался инспектору с уловом ранее, соглашается поднять со дна самолосы и сдает один из них, спасая пять других, которые не обнаружены, и получая небольшой штраф. У рыбака есть страх потерять большее, если будут обнаружены снасти без его “добровольной помощи”. Меж тем у инспектора есть страх остаться без материальных доказательств, поскольку знание о нарушении — это наполовину или полностью блеф. Таким образом, апелляция к эталонному правонарушению порождает феномен инспекторского блефа, который в ряде случаев является небезосновательным.

Как ответ на логику действий инспектора запускается механизм оспаривания со стороны рыбака. Обвинение в чей-то адрес, выдвинутое со ссылкой на прошлое (на сообщество в целом или же на характер браконьерской деятельности рыбака),

провоцирует поиск более изощренных методов лова (*Fortes* 1937), конспирации, а взаимоотношения оппонентов обыгрываются как “охота друг на друга”:

...основная масса людей, которые уже, так сказать, стреляные воробьи, они в мешок, прежде чем класть туда рыбу, кладут очень тяжелые предметы и потом рыбу кидают в эти мешки. Если какую-то тревожную увидят ситуацию, что кто-то приближается, там, уже конкретно, люди, которые тебя сейчас оштрафуют, огорчат, это мешок булек за борт и сразу — “не мое!”

И главное, будут страшать и всяко: “Не мое это все”. Просто тут стою я. Люблю я здесь стоять. Говори все, но всегда отказывайся от рыбы. Самое главное, если ты подписал, что это твое, все: тебя раскрутят по полной <...> Ты всегда должен быть пустой на реке. Если ты будешь с рыбой, это надо сидеть вот так постоянно, как у совы голова должна быть постоянно. Многие у нас делают: в мешок — сколько раз я сам это видел — в мешок, там, накладывают, там, не знаю, камешков. Ну, что-то, чтобы было похоже, что ты несешь рыбу. Несешь, несешь к лодке, если вдруг какой-то кипеж, дверь открыл, “бум!” — поставил, закрыл, они: “Дрыны!”, они: “Хоп! Давай, че у тебя?!” — “Ну че, у меня — камни”. Они: “Камни...”. А рыба-то — там! [смеется]... где-то спрятанная! Вот они поплевались, поплевались и ушли, все, они тебя не поймали. А ты просто уехал, они уехали, ты вернулся — рыбу забрал и уехал. Все вот так делается, чтобы, грубо говоря, “на подсадную”... Они на подсадную “рыбачат”, а ты вообще — на живца, на них охотишься! [смеется] (ПМА 2017, Р.А.).

В некоторых случаях смелые словесные описания промысла и бравада связаны с успешным обходом контроля рыбоохраны и в каком-то смысле провоцируются нарушением инспектором последовательности, определяемой особенностями правоприменения: обнаружил — идентифицировал — доказал причастность — зафиксировал (выписал протокол, штраф) — подал в суд — изъяс добычу и снасти. Пока один компонент цепочки (идентификация личности нарушителя) выпадает, рыбаки могут смело вести опасную игру: устанавливать в рыбном месте и, возможно, даже терять самоловы, но не выдавать свое имя.

От взаимного мифотворчества к сотрудничеству

Изначально можно подумать, что кульминация взаимодействий контролирующих органов и рыбаков достигается в момент поимки нарушителя и оформления протокола, но гораздо более сложный процесс происходит до этого. В полевом исследовании наблюдаются два типа манифестации отношений между рыбаком и инспектором, которые выстраиваются в течение многих лет посредством поступков, поддержания имиджа и статуса, создания легенд и их трансляции окружающим.

Первый тип отношений проявляется в речевом обыгрывании поведения и статуса оппонента на дистанции: противники могут не встречаться годами, создавая и поддерживая миф друг о друге. Со стороны инспектора это неподкрепленные доказательствами словесные обвинения в браконьерстве и нарушениях “закона реки”. В них нарративная стратегия мифологизации браконьера тонко совмещается с отсылкой к эталонному правонарушению. Весь этот риторический комплекс выходит за рамки конвенциональных договоренностей, существующих на локальном уровне между проверяемым и проверяющим, и потому, в случае использования его первым в качестве неоднозначного инструмента давления, может быть оспорен вторым. Так, ответом со стороны рыбаков может стать обвинение во взяточничестве и избирательности инспектора при выписке протокола, которые репрезентируются в форме подшучиваний:

Они ведь... те годы приедем в райцентр, они как-то обязательно там встретятся там с этим Н. <...> Они по ручке поздороваются, всё, про здоровье друг у друга спросят,

всё! Как будто, вроде и чики-брики, и это... как нормальные люди. А на реке вот совсем другое творится! А он только его все время спрашивает: “Ты еще живой? Тебя еще не грохнули?” (ПМА 2017, Н.Е.).

Второй тип отношений — долгосрочное сотрудничество в рамках заключенного на словах договора: подвоз рыбы либо самогонки “по требованию” и при этом (по взаимному согласию) выписка административных штрафов небольшого размера браконьерам-союзникам в течение года как плановая практика.

В.К.: Много мы дружили, по-человечески дружили. Он нас не трогал, мы его всегда выручали. Только звонок — “рыба будет”.

Авт.: А Вы сами возили или он подъезжал?

В.К.: Он подъезжает сам на машине. Ну, когда на реке... или на лодке там едет — то подъедет. Он раз “угодил” начальству. <...> Ему говорят: “Вези рыбы!” Тот поехал, красной рыбы набрал, они ему этой красной рыбой чуть харю не разбили. Не стерляди привез, а красной рыбы в магазине.

Авт.: А их не удивляет, откуда у них та рыба, за которую он должен ловить?

В.К.: Да это же все коррупция! Все обманщики.

Авт.: То есть они ему тоже никогда не предъявляли...

В.К.: Да конечно! Да ты что, смеешься? Они этого ждут. Они сюда едут только за рыбой. Начальники.

Авт.: Не для проверки.

В.К.: Какая проверка! Отдохнуть, попить, да... рыбу поесть. Все насыжено.

Авт.: Это вообще абсурд...

В.К.: Это не абсурд, это так и велось, что начальству надо угождать, что начальству надо делать. И так всю жизнь оно идет, и будет, и это неискоренимо (ПМА 2017, В.К.).

Слова информанта выводят нас из замкнутой системы отношений между проверяемыми рыбаками и инспектором и показывают зависимое положение последнего как посредника между уровнями, на которого оказывают влияние как настроения в рыбацких поселках, так и вкусы, требования и ожидания начальства. С позиции рыбака деятельность инспектора может быть легитимирована и признана справедливой, только если он штрафует всех людей на реке в равной степени:

Авт.: Ну, чтобы иметь такую должность, нужно действительно быть принципиальным <...>

В.К.: Да! Или совсем тогда не брать. Совсем!

Авт.: Ну, либо не брать и оформлять всех подряд... (ПМА 2017, В.К.).

Однако инспектор не может “не брать” продукты промысла, поскольку они нужны для сохранения отношений с начальством. Казалось бы, принимать “в дар” рыбу и сохранять лицо одновременно невозможно, однако, как остроумно заметил О. де Сардан, «стыд, который ситуативен по своей природе, звучит в другом “регистре”, когда проявляется давление семейного круга или его сетей, мыслей о том “что скажут люди”, и этот регистр скорее способствует, нежели препятствует практикам коррупционного комплекса» (Sardan 1999: 46). Если же штрафовать всех нарушителей в равной степени, без привилегий, то даже корректно запротоколированный факт, как отмечает инспектор, может быть замят и оспорен:

А.В.: ...у меня одно дело сорвалось — это... были... силовики замешаны очень серьезные. Ну, просто развалили.

Авт.: Отмазали человека?

А.В.: Да, ну, это уже, наверное, лет девять назад. И... позапрошлый год тоже... там одного блатного прихватили. Ну а там чисто следователи с прокурором развалили это дело. <...> Свидетелей припугнули — они дали против меня ложные показания.

И все. Потом ...начали общаться, уже без протокола, ну они мне прямо сказали, что у одного машину спалят, а второму не дадут работать. И все. Ну и дело развалили (ПМА 2017, А.В.).

В этой хрупкой конструкции отношений между рыбаками и контролирующими органами все же существует шаткий баланс. Однако нарушение этого баланса и взаимных договоренностей одним из участников позволяет исследователю увидеть скрытые аспекты социальных и экономических связей, окружающих рыболовный промысел.

Нарушение правил игры и разрушение связей

Данный раздел посвящен детализированному анализу длящегося во времени позиционного конфликта, рассмотренного вблизи, и включен в драматургию развития отношений местного сообщества и представителей контролирующих инстанций. Однако он создает эффект “паузы” в антропологическом описании событий, которая необходима для того, чтобы охватить всю схему социальных связей и их трансформацию через повседневные практики, значимые поступки и риторику участников. В ходе месяца полевых наблюдений я стала свидетелем и участником одной из фаз длительного конфликта между бывшими партнерами — инспектором и рыбаком. Первоначально их договоренности позволяли сохранять временный баланс в отношениях с целым сообществом, живущем в Сермяжном, а не только с отдельной семьей, которая благодаря этому ресурсному “союзу” жила вне страха протоколов и судебных процессов.

За год до проведения исследования привычная схема взаимодействий была нарушена “облавой”, подготовленной инспектором с коллегами из прокуратуры и полиции. Показательная поимка браконьера — это рейд особого типа, сконцентрированный на определенном субъекте и типе нарушения. В данном случае это был тактический ход с целью получения в свое распоряжение “эталонного правонарушения” с видеозаписью, материальными доказательствами и установленной личностью нарушителя. Однако для “правильной фиксации” необходима многодневная подготовка акции, чтобы затем в одном событии собрать и использовать отсылки к инцидентам, фактам, слухам, разговорам из различных временных промежутков — к “встроенным знаниям” (*embedded knowledge*), которые можно “раскопать позднее, в правильном контексте” (*Strathern 1997: 320*). Таким образом, “время рейда” включает и события вне рейда, которые, будучи объединены, представляют собой дискретную темпоральность, с одной стороны, вписанную в длящееся время циклов создания и разрушения временных союзов, а с другой — образующую особый тип социального времени с реверсивной логикой.

Была ли причиной успеха облавы нехватка бдительности со стороны рыбака? Едва ли. Его доверие было связано с гарантиями, предполагавшимися устным соглашением: рыба в обмен на безопасность и игнорирование полуполюгального промысла. Штраф был выписан, оплачен нарушителем, и реакция рыбака, еще совсем недавно пользовавшегося всеми привилегиями союзника инспектора, а теперь внезапно попавшего под санкции, не заставила себя долго ждать:

... он кормежку свою тем самым отбил <...> он нас не трогал. В любое время: “П., рыбу сделайте там маленько” — “Подъезжай, сделали”. Все! Долго мы так... “дружили” (ПМА 2017, М.А.).

...совести... совести ни грамма у него нет. Через год он подлетел: “Сделай рыбы!” Я говорю: “Слушай, у тебя совесть, Н., есть? Ты меня штрафуешь, и я тебе еще рыбы должен везти? Забудь! Кроме “лешей” больше от меня ничего не дождешься (ПМА 2017, В.К.).

В данном случае интересна игра слов в высказывании рыбака, который говорит о “лещах” как о затрещинах и о лещах как о “бросовом” виде рыб. Отказ от дальнейшего отдаривания взамен на промысел без рисков — это не единственная реакция на сбой долгосрочного сотрудничества. Мне удалось выделить четыре стратегии, которые являются следствием нарушения правил игры одним из участников.

Первая стратегия призвана подорвать имидж инспектора в глазах других членов сообщества, в т.ч. не обманутых партнеров, которые доверяют соглашению. Для этого бывшие союзники используют “речной телеграф” — систему оповещения, которая включает рыбаков на обоих берегах реки и позволяет уведомлять о ходе рейда.

Риторика рыбака, задавшего цель представить бывшего союзника как субъекта, с которым невозможно заключить надежное соглашение, опирается на непоследовательность поступков инспектора, способного отказаться от договоренности в пользу сомнительных дивидендов по службе:

Да с тобой разве можно договариваться? Ты ведь не только нас, ты маму родную продашь. Мы же с тобой договорились, все было нормально. Мы тебе платили... как говорится, давали рыбу, когда тебе было надо, платили штрафы, чтоб тебе все было, все по закону. Так тебе этого мало, ты все равно меня словил и теперь хочешь, чтобы я тебе еще сам на блюде принес рыбу. Да как тебе, м***, рыбы-то привезти! Мне же не жалко этой рыбы! Только я тебе ее привезу, и ты меня вместе с ней арестуешь ведь. Я откуда знаю, может, я к тебе подъеду, а у тебя там в кустах менты! (ПМА 2017, В.К.).

Вторая стратегия используется в случае, когда ситуация принимает серьезный оборот и дело направляется в суд, и заключается она в подаче контрзаявления с обвинением в превышении инспектором должностных полномочий. Такое заявление предполагает, что рыбак признает нарушение со своей стороны, поскольку, утверждая, что инспектор повредил его сети, он не может отрицать, что ему принадлежат запрещенные орудия лова и что они могли быть применены в промысле. Это своего рода “обороняющееся нападение”, когда обвиняемому некуда отступить, однако через ответное обвинение можно снять часть ответственности, заставив обвинителя разделить это правонарушение или же просто попытавшись ему навредить.

Третий тип реакции на нарушение прежнего негласного соглашения — это легализация промысла согласно законодательству. Чтобы получить лицензию и квоту на лов стерляди, нужно зарегистрировать юридическое лицо (включающее несколько бригад) или войти в состав уже существующей бригады: “Например, надо пронеvodить озеро какое-то. Я организовываю, я собираю народ на снегоходах, невод, поехали. Озеро вскрыли, всё, пронеvodили. Основной костяк есть, которые звеньевые. <...> Списки есть. Все есть, по приказу прописано. А другие люди не могут этим воспользоваться — то есть, поймать эту рыбу” (ПМА 2017, А.К.). Эта стратегия имеет еще одно преимущество: помимо правовой артикуляции промысла и вывода его в сферу учтенной государством деятельности (ср.: *Сирина* 2000) она способствует объединению профессиональных артелей и звеньев рыбаков из разных поселков, упрощает транспортную коммуникацию через связанность членов бригады.

Четвертая стратегия предполагает уход профессионального рыбака из сферы рыбного промысла, который сильно регламентирован и находится под перекрестным контролем различных структур, и переключение на другие источники заработка: охоту, сбор дикоросов, торговлю, частный извоз. Такая стратегия может быть либо временной, чтобы уйти от слежки, либо постоянной, предполагающей окончательную смену специальности и перевод семьи на новый тип хозяйствования.

Двойное молчание и оставленность государством

Разветвленная логика ходов, применяемых рыбаками, уравнивается многочисленными вариациями поступков инспектора, который, казалось бы, может иметь вес и влияние, лишь действуя в соответствии со своим статусом и служебными полномочиями. Возникает ситуация, в которой представителю исполнительной власти приходится подстраиваться, принимая соглашение на не всегда выгодных для него условиях, и зарабатывать авторитет в большей степени перед теми, кого должно контролировать, чем перед теми, кому нужно отчитываться по служебной линии.

Фигура инспектора оказывается на пересечении интересов сообщества и интересов ведомств, имеющих разное территориальное и административное подчинение. Однако «было бы неверным предполагать, что чиновники просто выступают агентами или “удлинителями” клиентских сетей. Напротив, обладание официальным статусом обеспечивает им доступ к ресурсам, которые они могут использовать как посредники (*brokers*) для своей собственной выгоды» (*Anders* 2002: 121). Будучи посредником между местным населением и структурами исполнительной власти, между повседневной логикой, представлениями о справедливости и чести и постоянно меняющимся законодательством, чиновник оценивается с позиций законности и гуманности, соответствия протоколу и человечности, служебной исполнительности и представлений о дружбе и взаимопомощи.

Чтобы показать, каким образом сам инспектор интерпретирует свое положение, процитирую фразу, которую (при моем повторном появлении в поселке) он сказал с горечью о системе, в которой служит: “Я ушел в рейд, лед еще местами не сошел, но все уже ринулись на реку, ажиотаж, тут и работа бы пошла. Прошло несколько дней. И ведь мне ни разу оттуда не позвонили, не узнали, как я. Может быть, я уже умер” (ПМА 2018, А.В.). Представитель государства или наместник, оставленный без связи со своей институциональной “метрополией”? Наступил момент, когда “боссы, похоже, расторгли молчаливое соглашение между младшими и старшими государственными служащими. Снятие покровительства покровителями расценивается как предательство, а младшие госслужащие уже не чувствуют себя связанными лояльностью” (*Anders* 2002: 60).

В данном случае мы видим, что феномен оставленности государством проявляется на ином уровне, охватывая не только жителей п. Сермяжный, вовлеченных в рыболовный промысел, но и людей, заброшенных в регион руководством и наделенных полномочиями. Как отмечает Г. Андерс, “эмпирически даже государственные институты могут иметь функцию социальной безопасности [государственных служащих], которая в значительной степени отклоняется от государственных норм; ресурсы слабого государства направляются в неформальные сети, которые вторглись в его институты” (*Anders* 2002: 48). В какой-то момент оказывается, что инстанция, к которой они могут апеллировать как к оплоту законности и воплощению государственного контроля, просто исчезла из правового поля, оставшись только в поле силового давления и в существующей служебной иерархии. В этом сценарии можно наблюдать тот момент, когда “вся система теряет точку опоры, она сама становится не более чем гигантским симулякром — не тем, что вовсе оторвано от реальности, а тем, что уже никогда не обменивается на реальное, а обменивается на самое себя в непрерывном круговороте без референта и предела” (*Бодрийяр* 2017: 13).

Произошло нарушение логики, и природоохранная и контролирующая функции определенных структур исполнительной власти подменяются функцией снабжения охраняемыми видами ресурсов их руководства. При этом возникает необходимость молчать о поставках рыбы и их востребованности наверху. Но, чтобы обеспечивать (или даже одаривать) начальство, инспектор должен выменять рыбу на свое

молчание о нарушениях рыбаков. Молчать о запросах сверху и молчать о нарушениях в поселке — возможно ли это совместить в одной позиции? А. Рууд справедливо отмечает, что “оставаться самим собой и совсем не принимать во внимание неформальные порядки — недостижимый идеал; ...в некоторых ситуациях жителям бенгальских деревень важнее не потерять доверие друзей” (Ruud 1998: 4). Может быть, оставленность государством и одиночество в окружении сверхнормативных формализованных структур возникают в тот момент, когда невозможно перевести и увязать нормативные акты и законы с пониманием чести и справедливости, потому что регулирующая инстанция постепенно самоудалилась из дискурса “законность vs справедливость”.

* * *

Посредством увязывания объективно происходящих макропроцессов в области законодательных реформ и структурных изменений в системе исполнительной власти с повседневными действиями местных жителей и служащих, призванных их контролировать, можно проследить, как возникновение одних социальных явлений провоцирует активизацию других в едином поле общественных сил. Так, существующее законодательство как феномен макроуровня создает сложную схему правоприменения, требующую исполнения правил не только местными рыбаками, но, в первую очередь, представителями исполнительной власти на местах.

На микроуровне — уровне регионального чиновника — тонкости правоприменения порождают необходимость создавать симулякры для того, чтобы спроецировать реальность промысла на плоскость законодательных актов и увязать с нормативным языком. Как следствие, возникает “эталонное правонарушение”, являющееся значимым элементом символического капитала инспектора, посредством которого он апеллирует к понятию законного, предъявляя обвинение индивиду и сообществу в целом. Вынужденное обращение к симулякру в условиях нехватки реальных доказательств компенсируется инспекторским блефом, что позволяет преодолеть дистанцию между “очевидным” и реальным нарушением.

Этот механизм можно интерпретировать как стигматизацию нарушителей с целью мультипликации прецедентов нарушения. Такая стратегия порождает ответную реакцию рыбаков, на деле изошренно уходящих от слезки, а на словах бравирующих искусством конспирации. Перед нами раскрывается разветвленная многоуровневая система взаимосвязей, проявляющаяся во взаимной мифологизации оппонентов, конструировании эталонного правонарушения и конспиративных практик. Наиболее выпукло скрытое соотношение сил проявляется в момент разрушения временных союзов рыбаков и представителей исполнительной власти. Сбой в установленных правилах игры активизирует одну из четырех стратегий действия рыбаков и переформатирует пространство социальных отношений вокруг рыбного промысла.

Антропологический анализ, представленный в статье, выявляет неожиданные, ломающие иерархию взаимодействия, основанные фактически на игнорировании дистанции между местными жителями и представителями закона на местах. Их развитие показывает, что разрыв на стыке зоны влияния государства (закона и исполнительной власти) и зоны действия промысловых практик и связей, образуемых сообществом, который являлся основой для формирования гипотезы исследования, расположен в данном случае *не* на границе между местными жителями и инспектором как конечным звеном в цепочке уполномоченных лиц. Вышеописанные ситуации указывают на тот факт, что разрыв смещается выше, на границу между властью на местах и контролирующими ее инстанциями, в то время как инспектор

оказывается втянут в поле действия локальных представлений об уважении, законности и чести и вынужден играть по правилам тех, кого он должен контролировать. Таким образом, оставленность государством ярче всего проявляется в местах разрыва и перехода от логики следования закону к логике игры вокруг порождения “копий без оригинала” в рамках низовых практик.

Благодарности

Автор выражает благодарность за ценные комментарии к тексту участникам данной подборки, а также Н.В. Ссорину-Чайкову и М.Я. Рожанскому.

Примечания

¹ Название поселка и инициалы информантов изменены по этическим соображениям. Район исследования также не указывается.

² Приказ от 20.02.2017 г. № 72 “О внесении изменений в правила рыболовства для Западно-Сибирского рыбохозяйственного бассейна, утвержденные приказом Министерства сельского хозяйства Российской Федерации от 22 октября 2014 г. № 402”.

³ В данной статье я ввожу понятие “эталонное правонарушение” для адекватного отражения символической инстанции, которую формирует инспектор, чтобы в условиях отсутствия стабильной референтной структуры, представленной государственной исполнительной властью, опираться на “персонализированную точку референции” (*Pels* 2000: 279) или авто-референтный прецедент, удерживающийся на пересечении представлений местных жителей о справедливости и существующими практиками правоприменения.

⁴ Местное название сибирского осетра.

Источники и материалы

ПМА 2017 — Полевые материалы экспедиции автора в прибрежные поселки р. Оби; июль—август 2017 г. (информанты: М.А., жена рыбака, 1957 г.р.; А.В., м., эксперт рыбнадзора, ок. 55 лет; Н.Г., м., эксперт, бригадир, 1950 г.р.; К.А., м., эксперт, 1957 г.р.; Р.А., м., рыбак, 1986 г.р.; Н.Е., жена рыбака, 1959 г.р.; В.К., м., рыбак, 1964 г.р.; А.К., м., эксперт, бригадир, ок. 50–53 лет).

ПМА 2018 — Полевые материалы экспедиции автора в прибрежные поселки р. Оби; май 2018 г. (информанты: А.В., м., эксперт рыбнадзора, ок. 55 лет; В.К., м., рыбак, 1964 г.р.).

Научная литература

Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции / Пер. с фр. А. Качалова. М.: ПОСТУМ, 2017.

Воробьев Д.В. Разыграть непосвященного (размышления о розыгрыше в смеховой культуре народов Севера) // Полевые исследования Института этнологии и антропологии // Отв. ред. З.П. Соколова. 2007–2008. М.: ИЭА РАН, 2011. С. 222–234.

Пивнева Е.А., Мартынова Е.П. Традиционное природопользование народов Северного Приобья (по материалам Ханты-Мансийского автономного округа). М.: ИЭА РАН, 2001.

Сирина А.А. Закон и жизнь. Опыт законодательного урегулирования традиционного природопользования в Республике Саха (Якутия) // Юридическая антропология. Закон и жизнь / Ред. Н.И. Новикова, В.А. Тишков. М.: ИЭА РАН, 2000. С. 196–211.

Anders G. Freedom and Insecurity: Civil Servants between Support Networks, the Free Market and the Civil Service Reform // *A Democracy of Chameleons: Politics and Culture in the New Malawi* / Ed. H. Englund. Stockholm: Elanders Gotab, 2002. P. 43–61.

Fondahl G.A. Legacies of Territorial Reorganization for Indigenous Land Claims in Northern Russia // *Polar Geography*. 1995. Vol. 19. P. 1–21. <http://doi.org/10.1080/10889379509377557>

Fortes M. Communal Fishing and Fishing Magic in the Northern Territories of the Gold Coast // *Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland*. 1937. Vol. 67. P. 131–142. <http://doi.org/10.2307/2844174>

- Nakhshina M., Krause F.* Northern Fisheries: Managing Income, Nutrition and Cultural Values // *Polar Record*. 2014. Vol. 50 (255). P. 338–342. <http://doi.org/10.1017/S0032247414000308>
- Pels P.* The Trickster's Dilemma: Ethics and the Technologies of the Anthropological Self // *Audit Cultures Anthropological Studies in Accountability, Ethics and the Academy* / Ed. M. Strathern. L.: Routledge, 2000.
- Ruud A.E.* Corruption as Everyday Practice: Rules and Rule-Bending in Local Indian Society // *SUM Working Paper: 4*. Oslo: Centre for Development and the Environment, 1998.
- Sardan O. de J.P.* A Moral Economy of Corruption in Africa? // *Journal of Modern African Studies*. 1999. Vol. 37 (1). P. 25–52. <http://doi.org/10.1017/S0022278X99002992>
- Scott J.C.* The Moral Economy of the Peasant: Rebellion and Subsistence in Southeast Asia. New Heaven: Yale University Press, 1976.
- Strathern M.* "Improving Ratings": Audit in the British University System // *European Review*. 1997. Vol. 5 (3). P. 305–321.

Research Article

Rakhmanova, L.Ya. Fishermen and Supervisory Instances on the Ob' River: Law Enforcement in the Shadow of Local Rules of the Game [Rybaki i kontroliruiushchiie instantsii na Obi: pravoprименение в тени локальных правил игры]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2019, no. 4, pp. 45–60. <https://doi.org/10.31857/S086954150006191-0> ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Lidia Rakhmanova | <https://orcid.org/0000-0002-7475-3609> | muza-spb@yandex.ru | National Research Tomsk State University (36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia)

Keywords

informal environmental management, fishery resources, reference offense, practice of conspiracy, abandonment by the state, cooperation strategies, remoteness, temporary alliances, stigmatization of the offender

Abstract

This article presents a detailed analysis of various ways of informal private environmental management at fisheries in the context of control practices by representatives of the local executive power. In the light of uncovered strategies by which inspectors construct instances of “reference offense” and thus stigmatize potential violators, as well as of techniques of conspiracy and play based on mutual mythologization, one can argue that a new field of interactions is being formed. But this interaction is organized not according to the logic of confrontation and resistance to the state. The community as a significant agent changes the balance of power relations and embeds the partnership with entities exercising control on behalf of the state within the system of exchange, services, and mutual obligations. Drawing on the micro-anthropological analysis of situational actions, rhetorical practices, and narratives, I examine the complex structure based on the alternation of processes of creation and termination of temporary alliances.

Funding Information

This research was supported by the following institutions and grants:
Khamovniki Foundation for the Support of Social Research [project no. 2016 009; 2017–2018]
Russian Foundation for Basic Research, <https://doi.org/10.13039/501100002261> [17-33-01057]

References

- Anders, G. 2002. Freedom and Insecurity: Civil Servants between Support Networks, the Free Market and the Civil Service Reform. In *A Democracy of Chameleons: Politics and Culture in the New Malawi*, edited by H. Englund, 43–61. Stockholm: Elanders Gotab.

- Baudrillard, J. 2017. *Simuliakry i simuliatsii* [Simulacra and Simulation]. Moscow: POSTUM.
- Fondahl, G.A. 1995. Legacies of Territorial Reorganization for Indigenous Land Claims in Northern Russia. *Polar Geography* 19: 1–21. <http://doi.org/10.1080/10889379509377557>
- Fortes, M. 1937. Communal Fishing and Fishing Magic in the Northern Territories of the Gold Coast. *Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland* 67: 131–142. <http://doi.org/10.2307/2844174>
- Nakhshina, M., and F. Krause. 2014. Northern Fisheries: Managing Income, Nutrition and Cultural Values. *Polar Record* 50 (255): 338–342. <http://doi.org/10.1017/S0032247414000308>
- Pels, P. 2000. The Trickster's Dilemma: Ethics and the Technologies of the Anthropological Self. In *Audit Cultures Anthropological Studies in Accountability, Ethics and the Academy*, edited by M. Strathern, 135–172. London: Routledge.
- Pivneva, E.A., and E.P. Martynova. 2001. *Traditsionnoe prirodopol'zovanie narodov Severnogo Priob'ia (po materialam Khanty-Mansiiskogo avtonomnogo okruga)* [Traditional Nature Management of the Peoples of the Northern Ob' (Based on Materials from the Khanty-Mansiysk Autonomous District)]. Moscow: IEA RAN.
- Ruud, A.E. 1988. Corruption as Everyday Practice: Rules and Rule-Bending in Local Indian Society. In *SUM Working Paper: 4*. Oslo: Centre for Development and the Environment.
- Sardan, O. de J.P. 1999. A Moral Economy of Corruption in Africa? *Journal of Modern African Studies* 37 (1): 25–52. <http://doi.org/10.1017/S0022278X99002992>
- Scott, J.C. 1976. *The Moral Economy of the Peasant: Rebellion and Subsistence in Southeast Asia*. New Heaven: Yale University Press.
- Sirina, A.A. 2000. Zakon i zhizn'. Opyt zakonodatel'nogo uregulirovaniia traditsionnogo prirodopol'zovaniia v respublike Sakha (Yakutiia) [Law and Life: Experience of Legislative Regulation of Traditional Nature Management in the Republic of Sakha (Yakutia)]. In *Yuridicheskaia antropologiya: Zakon i zhizn'* [Legal Anthropology: Law and Life], edited by N.I. Novikova and V.A. Tishkov, 196–211. Moscow: IEA RAN.
- Strathern, M. 1997. "Improving Ratings": Audit in the British University System. *European Review* 5 (3): 305–321.
- Vorobiev, D.V. 2011. Razygrat' neposviashchennogo (razmyshleniia o rozygryshe v smekhovoi kul'ture narodov Severa) [To Play the Uninitiated (Reflections on the Drawing in the Laughing Culture of the Peoples of the North)]. In *Polevye issledovaniia Instituta etnologii i antropologii, 2007–2008* [Field Studies of the Institute of Ethnology and Anthropology: 2007–2008], edited by Z.P. Sokolova, 222–234. Moscow: IEA RAS.